

УДК 343.25
ББК 67.408.022

Л.Л. Кругликов,
доктор юридических наук, профессор

ВЗГЛЯДЫ Н.Д. СЕРГЕЕВСКОГО НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ (ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е.П. ИЩЕНКО «НУЖНА ЛИ В РОССИИ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ?»*)

Разделяя взгляды Н.Д. Сергеевского, автор статьи с помощью убедительных доводов возражает против отстаиваемых в теории уголовного права, в том числе и в статье Е.П. Ищенко, мотивов сохранения в России смертной казни.

Ключевые слова: наказание, смертная казнь, справедливость, целесообразность, позитивизм, философские воззрения.

L.L. Kruglikov,
Doctor of Law, Professor

VIEWS OF N.D. SERGEYEVSKY ON CAPITAL PUNISHMENT (REGARDING THE ARTICLE BY E.P. ISHENKO «DOES RUSSIA NEED CAPITAL PUNISHMENT?»)

Sharing the views of N.D. Sergeyevsky the author convincingly argues against the reasons for preserving capital punishment in Russia which are stated in the theory of criminal law and are also supported in the article by E.P. Ishenko.

Key words: punishment, capital punishment, justice, expediency, positivism, philosophical views.

Николай Дмитриевич Сергеевский, 160-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году (род. 24 сентября 1849 г.), относится к плеяде крупнейших и талантливейших русских ученых-криминалистов XIX в. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1872 г.) он был оставлен при университете, но вскоре направлен в Демидовский юридический лицей (г. Ярославль) в качестве преподавателя кафедры уголовного судопроизводства. После двухлетнего преподавания в лицее уголовного процесса его направляют на повышение квалификации за границу. В 1878 г. он возвратился в Ярославль. Преподавательскую деятельность в лицее (теперь уже по уголовному праву) он начал вступительной лекцией «Философские приемы и наука уголовного права», которая ввиду ее высокого научно-методического уровня была опубликована в центральном журнале [2, с. 39-87].

Одним из затронутых в лекции вопросов была смертная казнь. По выражению лектора, «лучший пример» вымирания под влиянием

изменившихся условий чего-либо представляет история смертной казни – наказания, в защиту которого менее 60 лет назад произносились такие слова: «Всякая власть и всякий порядок основываются на палаче. Уничтожьте его, и тотчас же порядок уступит место хаосу, троны падут и общество погибнет! Кто в наше время рискнет говорить таким образом?!» – восклицает Н.Д. Сергеевский. Мир все более склоняется к убеждению, что смертная казнь есть болезненная оргия дурных страстей. А ведь было время, когда это наказание считалось таким же нормальным, как розги в эпоху крепостного права, тюремное заключение в настоящее время. Она была не высшей формой наказания за высшие разряды преступлений, как смотрим мы на нее теперь, а средством истребления людей опасных для государства, независимо от того, совершили они какое-либо преступление или нет. Значение человеческой личности как таковой не сознавалось в древнем мире; и сотни, тысячи людей предавались смертной казни по соображениям чисто административным и политическим.

В новом мире эта мера получила значение наказания в строгом смысле и, вместе с тем, она являлась одним из самых обыкно-

* См.: Ищенко Е.П. Нужна ли в России смертная казнь? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1. С. 16–24.

венных наказаний, которое могло быть применено чуть ли не за все преступления.

Интересна статистика, приводимая ученым. В Нидерландах только в 1567 г. было казнено около 18 тыс. протестантов. В XV в. в Германии казнено до 100 тыс. «волшебников» и «ведьм». В Англии за неполных 40 лет (с 1509 по 1547 г.) придано смертной казни 72 тыс. человек. Император Австрийский в 1705 г. приказал казнить за воображаемое оскорбление величества каждого 15-го жителя в занятых его войсками областях Баварии. Прусский эдикт 1725 г. предписывал повесить всех цыган, которые окажутся в королевстве; в итоге в одном Гессене два дня с утра до вечера продолжалась кровавая работа. В XVI столетии на Руси даже не преступников, а просто пленных татар, отказывавшихся принять христианство, выводили сотнями на Москву-реку и спускали под лед. Вспомним также стрелецкие казни Петра I. В Ирландии в начале XIX в. один судья в течение только одного обеда вынес 98 смертных приговоров, 97 из которых были приведены в исполнение. Наконец, поучителен такой факт: в Штетине в 1518 г. казнено 118 человек за церковную кражу. Оказалось, что все они, сознавшие под пыткой, были невиновны, а настоящие воры были разысканы после казней. Перед этим фактом меркнет даже взбудоражившее все наше общество дело Чикатило, где были также безвинно казненные люди!

Показательно, что, когда в 1810 г. был поднят вопрос об отмене смертной казни за кражи, корпорация судей, обращаясь к членам парламента, заявила так: если вы примете этот билль, мы не будем уже более знать, стоим ли мы на ногах или на голове. Но уже в середине XIX в. большинство правителей Европы считало делом совести не утверждать смертные приговоры.

Базируясь на приведенных и иных данных, лектор резюмирует: «Если мы с точки зрения современного права восстаем против смертной казни, то не потому, чтобы она противоречила каким бы то ни было высшим, неизблемым идеалам, а потому, что находим ее в государстве, которое основывается на признании прав личности, во-первых, несовместимой с этим основным принципом, и, во-вторых, вследствие этого и в высшей степени вредной с этической стороны. Если, например, в теократии или в деспотии прогрессивная партия восстает против смертной

казни, то она должна сознавать, что восстанет не против смертной казни самой по себе как нарушения каких-то вечных законов или идеалов, а единственно как против одного из атрибутов существующего строя».

Как современно все это звучит для России, пережившей в XX в. «кровавое воскресенье» и Соловки, две мировые войны и расстрел Белого дома! В то же время надо признать, что пока еще российское общество не преодолело «дурные страсти». Иначе чем, как не боязнь потерпеть фиаско, объяснить позицию руководства страны по отсрочке обращения к Федеральному собранию относительно отмены в стране смертной казни? И что мы будем делать после введения суда присяжных на территории Чеченской Республики и вынужденной отмены моратория на применение смертной казни, этой, по выражению Хетцеля, несправедливой, нецелесообразной, неразумной, бесчеловечной, безнравственной и не современной меры? [4, с. 39].

В следующей своей работе «Лишение жизни как уголовное наказание» [3, с. 829–860] Н.Д. Сергеевский продолжает разговор, затронутый во вводной лекции. «Науки общественные и юридические, – пишет он, – знают во множестве такие вопросы, которые никогда не могут потерять своего значения, которые из века в век привлекают к себе критическую мысль человека и останутся, так сказать, вечно новыми. В ряду вопросов такого рода едва ли не первое место занимает вопрос о смертной казни. Еще в прошлом столетии выдвинут он наукой и жизнью, но и до наших дней остается неразрешенным. Исследований написаны сотни; потрачена масса труда; но старый вопрос остается открытым: допустима ли смертная казнь? Может ли и должна она занимать место в лестнице уголовных наказаний?».

По мнению автора, ошибка, в силу которой сохраняется разнь между юристами по данному вопросу, заключается в методе исследования. Для человека, знакомого с историей вопроса, вся задача – найти ее, выявить и поставить исследование на ту точку, которая может обещать плодотворный результат. Жизнь не ждет, поэтому-то не только дозволительно, но и, безусловно, необходимо, чтобы каждый, кто только может, вносил свою лепту в общую сокровищницу науки, не стесняясь ее незначительностью, но руководствуясь той мыслью, что всякая попытка

пробить новый путь, даже самая неудачная и самая незначительная, принесет свою пользу если только она имела одну цель – интересы науки.

Н.Д. Сергеевский делает краткий обзор литературы, имеющей прямое отношение к рассматриваемому вопросу. Особое место он отводит книге профессора Кистяковского [1], называя ее классическим исследованием, в котором отличным образом сведено все то из сказанного о смертной казни, что заслуживает внимания. Отдавая должное упомянутым им сочинениям, автор оговаривается, что ограничится лишь анализом общей постановки вопроса, уделяя внимание только тому, что не было достаточно выяснено или что подавалось под неверным освещением.

Почему, задается вопросом ученый, дискуссия о смертной казни возникла только в конце XVIII – начале XIX в., а ранее она не вызывала особых рассуждений и тем более сомнений? Потому что ранее, особенно в древнем мире, считает он, она не воспринималась в качестве уголовного наказания, а являлась естественным средством истребления вредных и опасных людей, представление же о ней как об уголовном наказании отходило далеко на задний план. И даже позднее, в государствах Европы, в эпохи политических неурядиц смертная казнь использовалась как средство истребления неугодных людей, независимо от их преступности и виновности, а как наказание она была явлением ординарным и общепризнанным, самым обыкновенным и наиболее часто применяемым.

Автор обращает внимание на ту особенность, что, когда институт смертной казни сделался предметом горячего спора и борьбы, исследователи не задавались вопросом, откуда возникла реакция против этой карательной меры, что заставило людей отнестись критически к данной мере, существовавшей в обществе тысячелетиями, а законодателей – приступить к изгнанию смертной казни из уголовных кодексов.

В статье проанализированы два направления исследования проблемы смертной казни в уголовном праве.

Первое из них – философско-метафизическое, которое автору представляется ошибочным в силу ненадлежащего метода исследования, избранного сторонниками этого направления. Вместо того чтобы начать работу с исследований положительных, они

задались разрешением чисто метафизических вопросов: имеет ли государство право на отнятие жизни у гражданина вообще? Имеет ли право сам человек отказываться от жизни? Нарушима или ненарушима жизнь человека? Соответствует ли смертная казнь христианской религии? Справедлива ли смертная казнь, соответствует ли она вечному закону справедливости или врожденной человеку идее справедливости? Автор статьи считает такую постановку бесплодной, о чем свидетельствует опыт целого столетия, и приводит, прежде всего, тот аргумент, что на подобные темы можно вести спор до бесконечности и все-таки не придти ни к какому позитивному результату.

Так, метафизики говорят о ненарушимости жизни. Между тем еще А.Ф. Кистяковский отмечал: «Нужно совершенно забыть целые тысячи лет жизни народов, чтобы решиться утверждать, что жизнь человеческая свята и ненарушима» [1, с. 39]. Или: «Ссылаются на глас народа, требующий будто бы крови за кровь, жизни за жизнь. Даже если бы все было так, это еще не доказательство правоты». Вновь делается ссылка на А.Ф. Кистяковского: «Не придет же никому в голову руководствоваться народными воззрениями в вопросах о налогах, о кредите, о вращении солнца, о ведьмах, о колдунах» [1, с. 76].

Сторонники философского направления, отмечает автор статьи, обосновывают применение смертной казни воздаянием равного за равное, логичностью этой меры за убийство. Н.Д. Сергеевский аргументированно возражает против такого утверждения. Во-первых, убийства никогда не бывают равными. Во-вторых, и смертная казнь не представляет равенства: для одного человека она является источником мучений, далеко превышающих всякие представления; для другого – бывает нередко лишь поводом к отвратительным фарсам и бравурству; для третьего – торжеством мученического венца. Если говорить в целом о требовании соответствия наказания преступлению, то и здесь не все гладко, ибо очевидно, что каторжные работы не равны убийству, тюрьма не равна краже, денежный штраф не равен нарушению полицейских правил и т. д.

Вместе с тем, как и во вступительной лекции 1878 г., Н.Д. Сергеевский делает реверанс в сторону философского направления, заявляя: «Мы не хотим этим осуждать беспо-

воротню доктрину философского направления; мы хотим лишь указать на бесплодность этого направления в применении к вопросам смертной казни. Наоборот, философско-метафизические приемы бывают неизбежны и необходимы в те эпохи, когда человечество стремится к прогрессу, но недостаток позитивных знаний не дает возможности строить положительные программы. Едва ли мы ошибемся, если назовем с этой точки зрения философско-метафизические порывы одним из лучших проявлений человеческого духа и неизбежной ступенью во всяком прогрессивном повороте. Сладкая приправа к горькой пилюле! Думается, философское осмысление реальной действительности необходимо, оно позволяет, в соответствующей мере абстрагируясь от конкретных фактов, выдвинуть научные гипотезы, нуждающиеся, разумеется, в тщательной проверке».

Затем автор переходит к анализу второго направления (именуемого им английским), приводя взгляды Ч. Беккариа. Тот выдвинул для оценки смертной казни соображения иного рода, вытекающие из категорий целесообразности и полезности. Отталкиваясь от этой позиции, представители английской школы задаются рядом вопросов: 1) устрашает эта мера или не устрашает; 2) уменьшает она число преступлений или, может быть, увеличивает; 3) способна она подавить тот вид преступления, за который назначается, или, может быть, способна увеличить? При ответе на эти вопросы сторонники и противники смертной казни опирались на эмпирические данные, «опытные наблюдения». Приводились и дополнительные доводы. Так, защитники смертной казни указывали на а) надежность этой меры как средства защиты общества и б) ее дешевизну. Противники ссылались на то, что а) данная мера поддерживает грубые инстинкты в народе и б) она неознаградима (неустраима) в случае судебной ошибки.

Н.Д. Сергеевский приходит к выводу, что и данное направление не может дать прямого ответа на вопрос, должна ли смертная казнь занимать место в лестнице наказаний. Его суждения опираются на ряд доводов.

Во-первых, из приводимых учеными английской школы опытных данных с бесспорностью не следует, что рассматриваемая мера во всех случаях достигает своих целей – устрашения и снижения массы преступлений. В одних случаях это наблюдается, но в дру-

гих – нет. Заставляет задуматься и такой факт: по наблюдениям бристольского священника Робертса, из 167 человек, которых он напутствовал на смертную казнь, 161 бывали прежде зрителями при исполнении публичной смертной казни.

Весьма к месту приводится мысль профессора Кистяковского, что очень может быть и даже вероятно следующее: «Не потому совершается больше преступлений в известных странах, что там часто прибегают к смертной казни, а наоборот: потому там часто прибегают к смертной казни, что много совершается преступлений» [1, с. 47].

Уголовная политика современной России наглядно подтверждает это, хотя и (в условиях моратория на применение смертной казни) косвенным путем: санкции многих статей УК РФ ужесточаются, а доля лишаемых свободы лиц не уменьшается по мотивам роста преступности в целом и определенных категорий преступлений в частности.

Во-вторых, как резонно замечает автор, если бы даже было доказано, что смертная казнь вовсе не устрашает и не уменьшает число преступлений, то и тогда нет веских доводов против существования этой меры. Ведь тюремное заключение тоже не устрашает (о чем свидетельствует высокий уровень рецидива) и весьма вероятно тоже не уменьшает числа преступлений, равным образом как и денежный штраф. Однако на этом основании еще никто не ратовал за отмену тюремного заключения и денежного штрафа.

В-третьих, бесспорные плюсы смертной казни также не дают возможности придти к однозначному решению.

Так, приводится довод, что данная мера служит лучшей защитой общества от преступников. Может, все это и так. Но основываясь на подобном соображении, целесообразно предусмотреть ее за преступления, которые отличаются свойством повторяемости, т. е. в первую очередь за преступления против собственности; однако с этим не согласится даже самый ярый защитник смертной казни.

Или говорят: смертная казнь дешева, дешевле всех других видов наказания. И это совершенно верно. Но – парирует автор – содержание, например, зверинцев стоит несравненно дороже тюрьмы, почему же никто не предлагает перебить зверей из экологии? Или, может быть, жизнь заморского

зверя ценится дороже человеческой? Если речь заходит о сокращении государственных расходов, то не разумнее было бы обратить внимание на некоторые другие статьи в государственном бюджете, прежде чем предлагать такую странную, чтобы не сказать более, экономию?

Соображения противников рассматриваемой меры столь же неубедительны. Говорят: это наказание поддерживает в народе грубые инстинкты. Но война, замечает автор, поддерживает такие инстинкты еще в большей степени. Или: смертная казнь невознаградима, не имеет пути назад. Но и телесное наказание, тюремное заключение тоже невознаградимы; один денежный штраф вознаградим, да и то не всегда. То, что раз свершилось, не может сделаться не бывшим.

В-четвертых, оценка той или другой карательной меры с точки зрения ее целесообразности или нецелесообразности далеко не решает дела. Имеет место, по мнению ученого, смешение понятий, а именно: целей отдельных карательных мер (целей наказания) и целей (назначения) всего уголовного правосудия. Целями последнего всегда выступают охрана и поддержание правового порядка посредством осуждения нарушающих его деяний. Цели же отдельных наказаний могут быть различны: устрашение, исправление и т. д. Нетрудно видеть, что достижение общей цели уголовного правосудия не находится в безусловной зависимости от достижения целей отдельных карательных мер: эти последние цели очень часто не достигаются, но из этого еще не следует, чтобы и общая цель – охрана правопорядка – тоже не достигалась.

Н.Д. Сергеевский иллюстрирует свою мысль следующими примерами:

1) недалеко ушло то время, когда наказания базировались на одной цели – устрашения. Эта цель не достигалась, но, тем не менее, нельзя сказать, что уголовное правосудие в ту эпоху не выполняло своего назначения;

2) ни одно из существующих наказаний не достигает своей специальной цели: ссылка не делает из преступника полезного гражданина и вместо колонизации ненаселенного края служит источником всевозможных бедствий для местных жителей; каторжные работы вместо дохода приносят государству убыток; тюрьма вместо исправительного заведения является школой разврата и преступлений; рабочий дом – домом

безделья и т. д. «Более яркого примера нецелесообразности карательных мер, – пишет ученый, – найти трудно; однако можем ли мы сказать, основываясь исключительно на этой нецелесообразности, что уголовное правосудие не исполняет своего общего назначения? Существует также ряд наказаний (денежные штрафы, кратковременное лишение свободы и т. п.), которые не имеют и не могут иметь никаких специальных целей, а между тем они служат общей цели уголовного правосудия не хуже всех остальных и являются поэтому вполне уместными в лестнице наказаний».

Как считает Н.Д. Сергеевский, когда не достигаются *цели отдельных наказаний*, это вызывает известные экономические и административные затруднения для государства и возможно – рецидив, повторение преступлений. Когда же не достигается *общая цель правосудия*, разрушается правовой порядок, государство разлагается и должно по необходимости замениться другим строем.

Различны и условия эффективности тех и других целей. Так, целесообразная организация карательных мер зависит от условий экономических, от государственного строя, от степени образованности граждан и т. д., т. е. от совокупности культурно-исторических условий места и времени. Достижение же общей цели уголовного правосудия остается всегда неизменной и зависит, во-первых, от реализации принципа неотвратимости («чтобы ни один виновный не избегнул суда») и, во-вторых, от последовательного проведения в жизнь принципа субъективного вменения («ни один невиновный не был наказан без вины»). Чем меньше процент отступлений, тем ближе мы к достижению целей.

Отсюда последователен тот вывод автора, что оценка карательной меры с точки зрения ее целесообразности не предпрещает вопроса о ее пригодности (или непригодности) в уголовном правосудии, о ее допустимости (или недопустимости) в лестнице наказаний. Сказанное вполне применимо и к смертной казни: если бы даже было установлено, что она ни одной из целей наказания не достигает, то и тогда не было бы достаточных оснований требовать отмены этой карательной меры. Оставаясь последовательными, мы должны были бы уничтожить и тюрьмы и изобрести такое наказание, которое заменило бы и эшафот, и все прочее [1, с. 50]. С другой стороны,

и установление полезности смертной казни для достижения целей наказания – недостаточный аргумент уместности и необходимости ее в системе наказаний.

Нельзя отказать автору статьи в логичности его суждений, как и в резюмируемом им положении о том, что исследования английской школы остались столь же безрезультатны относительно судьбы смертной казни (должна ли она сохраняться в лестнице наказаний), как и рассуждения философско-метафизические. В то же время он признает, что представители английской школы дали массу выводов, относящихся к анализу института смертной казни с точки зрения социологической.

Причину неудач обеих школ (философско-метафизической и английской) Н.Д. Сергеевский усматривает в использовании ненадлежащего метода: обособлении (изолировании) смертной казни среди прочих видов наказания при выборе предмета исследования, признании ее чем-то особенным. В итоге ученые этих школ ставили вопрос: имеет ли государство право лишать жизни своих граждан, не задавая другой вопрос, а вправе ли государство лишать граждан свободы или стеснять ее? Отсекать человеку руку или ногу или отрезать язык давно признали невозможным, но почему же считают возможным отрезать язык вместе с головой?

Рассмотрение смертной казни как нечто совершенно особого Н.Д. Сергеевский считает коренной ошибкой. Отрешаясь от всяких предвзятых мыслей и предрассудков и становясь на почву положительной науки, мы должны неуклонно исходить из того положения, что смертная казнь, лишение жизни преступника есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке, по одним общим правилам и на основании одних и тех же критериев.

Что же предлагает ученый взамен? Он предлагает исходить из того факта, что карательные меры в обществе не представляют собой чего-либо постоянного и неизменного, они не могут оцениваться вне условий места и времени. Нельзя отсюда утверждать, что то или иное наказание безусловно недопустимо и непригодно ни для какой эпохи и ни для какой страны. Что в одну эпоху является уместным, нормальным и правомерным (та же смертная казнь), в другое время выглядит

недопустимым, нецелесообразным и бесчеловечным.

Главнейших условий, по мнению Н.Д. Сергеевского, два.

Господствующее в соответствующую эпоху воззрение на личность человека и гражданина. Был период, когда человека принимали за вещь, за расходный материал и т. п.; настали времена, когда личность все более оказывается в центре внимания и заботы государства и общества. Степень уважения личности как таковой, с одной стороны, и размер заботливости государства об этой личности – с другой – вот те факторы, которые главнейшим образом определяют собой организацию института наказания в каждом государстве, на каждой ступени его развития. Уважение личности заставляет ограничивать по возможности вред и страдания, причиняемые человеку; начало государственных забот и попечения о личности, хотя бы и преступной, вкладывает в наказание различные цели.

Рядом с этим условием и в ближайшей связи с ним в процессе исторического развития народов вырабатывается и второе условие, оказывающее на физиономию наказаний не меньшее влияние: постепенная культура смягчает характер человека, развивает в нем нравственные начала над животными, над побуждениями некультурного человека. То, что прежде доставляло человеку чувственное удовольствие, возмущает теперь его душу; то, что прежде казалось нормальным и естественным, противоречит теперь этическому чувству, оскорбляет нравственность. Начала гуманности пронизали всю жизнь человека и стали его постоянными, повседневными, практическими принципами. Кровавое зрелище, в том числе и при исполнении смертной казни, уже кажется отвратительным; страдания человека, хотя бы и совершившего преступление, вызывают сожаление.

Упомянутые выше два условия Н.Д. Сергеевский проиллюстрировал на примере развития института смертной казни. Последняя в государствах классического мира, равно как и при теократии и деспотии, была вполне правомерна и уместна, естественна и проста, ибо человек как таковой был предметом права собственности, вещью, тягловой силой, скотом. Его живое тело можно было употребить для вскармливания рыб, вывести

для потехи на арену с мечом в руке, чтобы он зарезал себе подобного, заставить погибать ради выгод и удовольствия земного владыки. Не было мотивов беречь жизнь и личность человека, а следовательно, не могло существовать тех соображений или чувств, которыми мы руководствуемся мы ныне.

В обществе, основанном на идее личности, все наоборот: государство существует для людей, а не люди для государства. Достижение максимальных условий материального, умственного и духовного благосостояния граждан – вот цель государства. Выше личности нет ничего; она есть отправной пункт и центр, около которого вращается вся государственная деятельность. Поэтому общим и основным принципом для нового государства является охрана жизни граждан. Если прежде смертная казнь была, по общему правилу, допустима и, следовательно, могла применяться беспрепятственно (хотя бы ради ее дешевизны), то сейчас, наоборот, она в принципе недопустима и, следовательно, для применения ее в каждом отдельном случае нужно доказать ее безусловную необходимость: это же последнее, очевидно, невозможно.

Остается удивляться прозорливости автора статьи, основательности его суждений. В то же время не оставляет чувство горечи, что прошло без малого полтора века, а воз, как говорится, и ныне там. По-прежнему не утихают споры о смертной казни, а в числе доводов «за» и «против» немало и тех, по которым как катком «прошелся» пером маститый ученый – Н.Д. Сергеевский.

В этом свете заслуживает упоминания еще одно сравнение, используемое в теории уголовного права и поныне: говорят, что смертная казнь легче долголетнего, а тем более пожизненного лишения свободы, она есть акт милосердия к личности преступника. Мотив далеко не новый, известный со времен Сергеевского, говорившего по этому поводу: «Смешно и вместе с тем горько слушать подобные возражения: человек, которому

раз отрубили голову, не воскреснет и второй жизнью жить не будет. Кто мешает осужденному самому лишить себя жизни, если бы он предпочел такой исход? Гвоздь, осколок стекла, даже булава суть орудия, для этой цели вполне достаточные. Далее, кто измерит те физические и психические страдания, которые испытывает казнимый? По новейшим исследованиям, отрубленная голова живет, сознает и чувствует от 10 до 40 секунд. Что думает эта голова, глядя на свое собственное туловище? За всем тем остается почти неизбежный страх смерти, превышающий всякие физические страдания».

Вывод автора статьи из вышесказанного категоричен: смертная казнь противоречит всей природе современного человека, как физической, так и психической. Она или поражает его страхом и ужасом или заставляет разыгрываться в нем самым дурным, животным страстям, тем именно страстям, уничтожение которых есть главная задача всей культуры человечества.

Помимо упомянутых этических черт, автор статьи обращает внимание еще и на «общее политическое значение» смертной казни. Она неизбежно возбуждает представление, что жизнь человека не есть что-либо неприкосновенное, но что, наоборот, она может быть приносима в жертву соображениям высшей важности. Применяя смертную казнь, сам законодатель указывает на то, что жизнь человека не есть преграда при достижении высших целей. И далее: «Каково может быть практическое применение подобного принципа, понятно всякому. С этой точки зрения смертная казнь есть одно из самых деморализующих и растлевающих народную совесть учреждений. Теория политических убийств – вот результат применений смертной казни в наше время; эта же теория, скажем без обиняков, есть одно из позорнейших явлений девятнадцатого века». Добавим: и века двадцатого. Период массовых репрессий и казней 20–30 гг. в России – нагляднейшее тому подтверждение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. – Киев, 1867.
2. Сергеевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. – 1879. – Кн. 1.
3. Юридический вестник. – Ярославль, 1879. – Кн. 6.
4. Hetzel. Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung. 1870.